

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу
Ольги Олеговны Служаевой «Творчество А.М. Добролюбова 1903–1911 гг.:
генезис, поэтика, проблемы атрибуции», представленную на соискание
ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. —
Русская литература и литературы народов Российской Федерации
(Москва, 2025)

Фигура Александра Добролюбова стоит особняком в истории русской литературы. Достаточно сказать, что биографический миф уже при жизни почти полностью затмил его творчество; легенда о молодом поэте, порвавшем с «образованным» обществом, отказавшемся от литературного творчества ради самой жизни, сменившем утонченный петербургский декаданс на крестьянские избы, - воздействовала очень сильно. Мы знаем, с каким пиететом Л. Д. Менделеева произносила о нем и об Иване Коневском: «Для нас это были такие имена!», мы помним слова Мандельштама о «воинственных молодых монахах раннего символизма» («Шум времени»).

Как известно, для полноценной научной работы требуется существенное смысловое приращение. В результате проведенного исследования должны быть установлены новые факты и связи, переосмыслено то, что нам представлялось хорошо известным ранее, наконец, - обнаружена цельность в том, что до сих пор выглядело фрагментарным и разрозненным. Можно сказать, что все это полностью относится к данной работе.

Период, избранный О. О. Служаевой для своей диссертации (1903–1911), позволяет ей фактически свести воедино три основные линии, связанные с личностью А. М. Добролюбова: его жизненный путь и биографический миф, его творчество (тут в центре оказывается сборник

стихов 1905 года «Из книги невидимой» - далее ИКН), а также его религиозные взгляды, своего рода, богоискательство (не случайна характеристика поэта как «богоискателя и странника», с. 94) и т.д.

Самой сильной частью диссертации мне представляется введение в научный обиход большого количества новых архивных материалов и воспоминаний, посвященных религиозно-мистической деятельности Добролюбова. Особенно впечатляют материалы, относящиеся к самарскому периоду, который впервые стал более или менее ясным. Очень подробно описана история общины добролюбовцев и религиозно-философские идеи, которые легли в ее основу. Впервые детально прослежены биографии основных последователей Добролюбова, показаны связи с близкими течениями, такими, как хлысты и молокане, а также с толстовцами.

Еще одним важным достижением диссертации можно считать тщательное изучение творческой истории стихотворного сборника Добролюбова ИКН, включая, разумеется, историю ее подготовки и издания. Безусловно, для такой работы требуется серьезная текстологическая подготовка, которую автор работы и демонстрирует, анализируя принципы отбора материала для книги и снова привлекая широкий неопубликованный архивный материал. Видимо, впервые контекстом для литературного творчества Добролюбова становится составленный им сборник «Мои вечные спутники» - и, таким образом, диссертанту удастся сделать важный шаг к осмыслению цельности творческого пути поэта.

Очень важной частью работы является установление литературных источников ИКН и анализ ее жанровой структуры. При этом интересно, что среди выявленных исследовательницей жанров, которые повлияли на книгу, большинство лежит либо полностью вне рамок литературы (проповедь, молитва), либо находится на границе литературного и религиозного дискурсов (духовная песня, духовный стих, притча, видение). К этому надо прибавить влияние фольклора и фольклорных жанров. Конечно, мы знали, что Добролюбов относился к ИКН не как к литературной и тем более не как к

символистской (несмотря на то, что, как доказательно демонстрирует О.О. Служаева, элементы построения символистской книги никуда из сознания поэта не делись и явственно отразились в архитектонике ИКН). Однако теперь мы видим, как этот синкретизм проявлялся на уровне поэтики.

Весьма ценным представляется и изученное диссертантом влияние Добролюбова на русскую литературу, прежде всего – на творчество Н. Клюева (с. 127-128). Этот сегмент работы, видимо, может быть в дальнейшем развернут в отдельное исследование.

Диссертант демонстрирует и отличное владение лингвистической техникой, когда анализирует лексическую палитру ИКН. Однако когда автор переходит к категории фрагмента (с. 153-155), хочется задать несколько вопросов: фрагмент и отрывок – это одно и то же или нет? Фрагмент и фрагментарность: есть различие в этих понятиях или же О. О. Служаева использует их как полные синонимы?

Ну, и, конечно, нельзя пройти мимо тщательного исследования образа книги, который, с одной стороны, дал название самому сборнику, а с другой, - определил всю структуру его художественного мира. Автор работы прослеживает историю мистического образа мыслимой книги, устанавливает вероятные источники в европейской литературе (Малларме), решает проблему моделируемого адресата.

Блестящим достижением диссертации можно считать работу по атрибуции Добролюбову духовных песен. Опираясь на несколько имеющихся источников и проведя серьезную аналитическую работу, О.О. Служаева доказывает принадлежность Добролюбову 26 таких текстов. При этом она в положениях, выносимых на защиту, указывает, что 10 из них Добролюбову принадлежат, по ее мнению, точно, а остальные 16 – «с определенной долей уверенности». Надо сказать, что архивная работа здесь также представляется исчерпывающей. Однако следует заметить, что в Приложении I, названном «Духовные песни Александра Добролюбова», автор диссертации оговаривается, что это название имеет условный характер,

так как, во-первых, «принадлежность этих текстов Добролюбову не может быть полностью доказана», во-вторых, они публикуются по спискам и публикациям, «аутентичность которых также под вопросом» и, наконец, в процессе своего бытования при записывании и переписывании они варьировались (с. 274).

Возникает законный вопрос: как же это коррелирует с положением, выносимым на защиту? Ведь получается, что речь идет не о произведениях Добролюбова, а о фольклорных текстах, в основе которых лежит некий литературный материал, к созданию которого он причастен. Хочется также спросить: а какие эдиционные выводы предлагается сделать? В каком виде и в каких разделах следует публиковать эти тексты, в каких редакциях? Ответа на эти вопросы мы, к сожалению, в диссертации не находим.

Ну, и раз уже зашел разговор о некоторых недостатках работы, - прежде всего, обращает на себя внимание, что уже в самом начале диссертации, на 3-й странице автор, говоря о прижизненных изданиях Добролюбова, пишет: «При жизни поэта-символиста Александра Добролюбова (1876-1945) были изданы три сборника его произведений...». То есть его статус «поэта-символиста» на всем протяжении творческого пути подается как нечто само собой разумеющееся и даже не требующее объяснений. Между тем, уже на 28-й странице автор сообщает: «Если Брюсов продолжил литературную деятельность в контексте символистского течения, то Добролюбов вскоре после издания первого сборника сосредоточился на деятельности, направленной на преодоление символизма...». Если учесть при этом, что хронологические рамки творчества Добролюбова для диссертации указаны как 1903-1911 годы, то с этим положением сложно поспорить, более того, в этот период Добролюбов уже полностью исключил себя из русского литературного контекста, и борьба Брюсова за символизм была ему глубоко чужда. Поэтому представляется, что именование Добролюбова «поэтом-символистом» есть некая дань старым литературоведческим штампам. В дальнейшем

О.О. Служаева вполне логично разделяет такие понятия, как элементы символистской поэтики в произведениях Добролюбова, с одной стороны, и восприятие его творчества (включая ИКН) как символистского представителя этого направления, - с другой. Однако к этой квалификации следует подходить с осторожностью, помня о том, что символисты и дружественные им критики с целью укрепления своих позиций были готовы причислить к символистам и тех, кто себя таковым никогда не считал и даже ничего не знал об этом течении, включая Тютчева, Фета и т.д. Видимо, автор диссертации делает совершенно справедливый вывод на страницах 105-106, когда, указывая на архитектурные, сюжетные и языковые элементы символистской эстетики, присутствующие в ИКН, пишет: «ИКН нельзя в полной мере отнести к символистской книге. Работая в поле символизма <получился не самый удачный каламбур. – А. К.> и апеллируя к нему, автор в то же время и отрицает его». Можно ли тогда безапелляционно писать о Добролюбове: «поэт-символист»?

Следует сказать и о некоторой терминологической путанице. Так, например, диссертант говорит о «лирическом субъекте», когда речь идет о стихотворных текстах «ИКН», но в отношении текстов прозаических совершенно произвольно употребляются то «повествователь» (с. 126, 127, 142, 144, 145, 149, 160 и т.д.), то нарратор (с. 125, 136, 156, 158-160), причем иногда в рамках одного и того же абзаца могут употребляться оба термина: «Повествователь рефлексировал, <...> нарратор стремится преодолеть книжную культуру...» (с. 160). Диссертант явно считает эти термины полными синонимами, между тем, синонимами они не являются, так как повествователь – это реальный – существующий или моделируемый носитель повествования, а нарратор, – это абстрактная повествовательная инстанция, очищенная от конкретных признаков. Кроме этих терминов, на с.152 мы без всяких оговорок встречаем такое выражение, как «автор ИКН», что приводит к окончательной путанице. Конечно, автор диссертации имеет право не соглашаться с той или иной нарратологической концепцией, но если

уж используется соответствующая терминология, следовало бы уточнить, в каком именно смысле употребляется тот или иной термин, какая концепция ему ближе, а от какой он дистанцируется.

Я говорил о той большой работе, которую провела О. Служаева по выявлению фольклорных, литературных, библейских и прочих источников и параллелей для духовных песен, проявляя при этом высокую эрудированность и филологическую культуру. Однако при этом удивляет то, что невыявленными остались источники, которые, в общем, не требуют особой эрудированности, а лежат на поверхности. Возьмем, к примеру, песню «Я отрекся от ветхого мира», которая является своеобразной переделкой «Рабочей “Марсельезы”» («Отречемся от старого мира...»), особенно последняя строфа, которая в записи Дурылина выглядит так:

Я отрекся от ветхого мира,
Я отряс его прах с своих ног.
Мне не нужны и духа кумиры,
Ненавистен кесарский чертог. (С. 285).

Как это можно было не опознать? Кроме того, следует, видимо, сделать вывод о том, что революционная песенная культура тоже оказала немалое влияние на Добролюбова, однако об этом в диссертации мы ничего не находим.

Трудно поспорить с библейскими параллелями духовных песен, на которые указывает диссертант, но откуда взялась ссылка на «колесницу Меркава» (с. 258)? «Меркава» в переводе с древнееврейского, как известно, и есть – «колесница». В русском текста Иезикииля в описании знаменитой колесницы такого слова нет. Возникает оно в еврейской каббалистической традиции («Сифрут ха-меркава»), откуда впоследствии было заимствовано и европейским оккультизмом. Откуда же у Добролюбова и добролюбовцев взялась «колесница Меркава»?

Несмотря на эти вопросы и замечания, следует сказать, что диссертация представляет собой очень значимое событие в филологической

жизни, она значительно превышает средний уровень кандидатских диссертаций и, безусловно, должна быть издана в качестве монографии.

Диссертация Ольги Олеговны Служаевой «Творчество А.М. Добролюбова 1903–1911 гг.: генезис, поэтика, проблемы атрибуции» выполнена в соответствии с требованиями п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в актуальной редакции), а ее автор, Ольга Олеговна Служаева, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

12 мая 2025 года

Александр Аркадьевич Кобринский,
доктор филологических наук, профессор,
юрист ФБГУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН».
Россия, Санкт-Петербург, ул. Макарова, д. 4.
Тел. +79219985430. E-mail: 0-01-0@list.ru

Я, Кобринский Александр Аркадьевич, согласен на автоматическую обработку моих персональных данных.

СВЕДЕНИЯ ОБ ОФИЦИАЛЬНОМ ОППОНЕНТЕ

по диссертации Служаевой Ольги Олеговны

на тему: «Творчество А.М. Добролюбова 1903–1911 гг.: генезис, поэтика, проблемы атрибуции» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

ФИО оппонента (полностью)	Кобринский Александр Аркадьевич
Гражданство	Российская Федерация
Ученая степень (с указанием шифра специальности научных работников, по которой защищена диссертация)	Доктор филологических наук. 10.01.01 – русская литература.
Ученое звание	Профессор по кафедре новейшей русской литературы.
Место работы	
Полное наименование организации в соответствии с уставом	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.
Наименование структурного подразделения	Администрация
Должность	юрист
Почтовый адрес	199034, Санкт-Петербург наб. Макарова, 4
Официальный сайт	http://pushkinskiydom.ru/
Контактный телефон	+7 812 3281901
E-mail	irliran@mail.ru
Дополнительные сведения	

Список основных публикаций за последние 5 лет по теме диссертации соискателя:

1. Комментируя Хармса // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 335-353.
2. «Слеза комсомолки»: Семиотический коктейль Венедикта Ерофеева // Новое литературное обозрение. 2023. № 180 (2). С. 66-77.
3. «Дорогой Никандр Андреевич...»: к биографии Н. А. Тювелева // Русская литература. 2023. № 2. С. 239-250.
4. Энигматическая поэтика Н. А. Заболоцкого: стихотворение «Дуэль» / А. А. Кобринский // Русская литература. 2024. № 3. С. 233-242
5. Студенческое дело Николая Заболоцкого (в соавторстве с А. Лощиловым) // Сборник Матице српске за славистику. 2024. № 105. № 143-176.

Подпись

Печать

